

ещо начальников, которые государством владеют. Как Еклесиястес в те слова написал: „Над человека лакомаго нет на свете худшого, которой душу свою продает, а в житью своим видитца, будто в нутре своем шарпает и роздерает“.

Кикеро мудрец написал: „Аще кто государством торговать хочет и корысти себе ис того ищет, и он есть безчесным, злым и бездушным человеком, а за тем последует смута и мятеж в государстве, коли начальники больши ся печалуются о корысти своеи, нежели о доброе дело государства всего. И с того опять дела корысти не бывает, но еще оболши виною есть к погибели государством, коли думные бояре меж собою о чины и достоенства какие или о корысти бранятца, и за таковую их нелюбовью и межусобьем государство от смуты невольное есть. А за смутую опять погибель последует, из малыи бо искры велики пламень происходит“.

Два молодых бояре в сиракузанским государстве ис думанные брани и нелюбовь меж собою имели того для, что один невесту другого за жену себе взял. В то время, коли тое на воеводство послан был, что коли звезда тот, которому обедно было, мыслил и думал о помсте над тем, который невесту его взял и обявивши и сказавши ему чужо ложство. Сталась с того смута в городе, а после одни люди к одному, другие опять к другому оборотились и зделали меж себя войну, в которой войне много честных и великих бояр побито, а после мир всем государством завладел.

Великую такову ж мятеж и смуту в царстве римском зделали два бояре думные о достоенстве побранясь, Мариушь и Сыля. Мариуш прославши Сыल्या до царя бога о отдане Югурты изменника, которого коли Силья привел, стал гордым и спесивым с того счастья, и для знаменья послуги своеи, сопротивляючися славе Мариушове, дал вырезать на перстьню своем Югурту себе отданого и перьстень тот всегда на персту носил. О што разкручинився Мариуш, откинул его от себя. А после Силья, совокупивъшися з Метелиушем и с Катулушем, недругами Мариуса, поднесл воину мужусобную и побил Мариуша.

Сопротивление опять или ревность о добродетели во всяком государстве славно есть и чесно, и корыстно того для, что с того разширяютца всякие государства, и в котором государстве бояре меж собою без хитрости ревнуют о добродетели, и то государство налутчое есть, которой праведную добродетель имеет, ничего не желает, толко чтоб был к корысти всему государству. Но нашего испорченого времени больши есть тех людей, которые о том печалуютца, чтоб один другого превосходил просужьством в здобыванью богатств и именья, нежели в славе и в добродетели. И кто б хотел добродетель с теми безделными вещами весити, познал бы то, что те вещи великую помешку делают к здобыванью славы и всякое чести, а больши еще тому, которой в них надежу всего счастья своего полагает.

Не нашол бы онешнего времени человека таковаго, которой бы возгнушался хотением богатств, как то делал он, чесно Темистоклес греческий, который, одного времени гуляючи, увидел чепь золотую на земли, которую не подняв позвал одного из меньших дворян своих и рече к нему: „Чого для не подоимеш тое чепи, несть ты бо Темистоклес“. Которым делом показал то, что много есть людей, желающих и хотящих богатств, в которых он не корыстовался, что и тех из земли не подносил, которые счастьем своим нашол.

Хотение таково ж есть делом убыточным и корень всех злоб, и нарекли ее мудрецы окормом злым государства того для, что больши